

Андраш Деак

Политика Вышеградской группы в отношении ЕС и России

Введение

В 1990-е гг. широко бытовало мнение, что в результате интеграции государств Восточной и Центральной Европы в евроатлантическое сообщество отношения их с Россией должны будут стать более уравновешенными, мирными и спокойными - иными словами, менее проблематичными. В конце концов это весьма часто цитируемое предположение глубоко укоренилось в общественном сознании и стало главным обоснованием целесообразности вступления в ЕС вообще и в НАТО в частности. В столицах стран Балтии и Варшаве косвенным образом, а в Будапеште более явно данный процесс воспринимали как нормализацию отношений между Восточной и Центральной Европой - коррекцию издавна существовавшего здесь дисбаланса. В контексте подобных интерпретаций европейская интеграция выглядит уже не только как одна из предпосылок для избавления от исторически свойственных странам Восточной Европы фобий в отношении России, но и как удобная почва для появления целого ряда новых политических установок на Западе в его отношениях с Востоком.

Оставляя в стороне внутренние противоречия, свойственные подобной аргументации, можно с уверенностью утверждать, что благотворный эффект, ожидаемый от вступления в Евросоюз, материализуется гораздо медленнее, чем ожида-

лось. В связи с недавним празднованием 60-летия Победы на передний план вновь вышли давние исторические споры о том, что было «освобождением», а что «оккупацией»; стоит ли удивляться тому, что весь восточноевропейский регион оказался вовлечен в этот спор. Данный вопрос проще решить сообща, чем поодиночке. Тем не менее, было печально наблюдать, сколь быстро проблема интерпретации исторических событий стала частью политики и сколь легко и необратимо отравила отношения между странами. Вряд ли оправданием здесь может служить тот факт, что изначально разногласия омрачили отношения между Россией и Балтийским регионом. Не менее достоверным фактом явилась и неспособность стран-членов Вышеградской группы абстрагироваться от данной ситуации и взглянуть на проблему абсолютно непредвзято. Все это служит неопровержимым доказательством того, что проблемы 1990-х гг. существуют и по сей день, а перспективы достижения большей сбалансированности отношений в будущем отнюдь не радужны.

Что же касается отношений между странами Вышеградской группы и Россией, то они во многих своих аспектах, наоборот, за последние год-два осложнились. Однако во многом это обусловлено скорее особенностями переживаемого периода, чем какими-либо серьезными структурными противоречиями. Где-то в середине 2002 г. в системе российских взаимоотношений с Западом началась «фаза спада». Дело «Юкоса», парламентские и президентские выборы, а также реорганизация системы регионального управления разрушили прежде существовавшие надежды в отношении России. Разочарование усугубилось ввиду возросшей самоуверенности российской дипломатии и уменьшения зависимости России от Запада, о чем Москва не преминула заявить. Если в первое четырехлетие пребывания Путина у власти вполне реальной выглядела перспектива постепенной конвергенции с Европой, поступательного вхождения в рыночную экономику и развития демократии, то сегодня на смену всему этому пришел образ «авторитарной» Москвы, склонной к жесткому манипулирова-

нию в сфере внешней политики. Впрочем, все эти перемены ни в коей мере нельзя считать необратимым. На протяжении 1990-х гг. мы уже наблюдали два подобных периода, как и определенные периодические «колебания» в отношениях России с Западом. Но нельзя и отрицать, что такая непоследовательность курса отнюдь не способствует избавлению Запада от издавна гнетущих его страхов - и в еще большей степени это касается стран Вышеградской группы.

Существует множество и других факторов, способствовавших ухудшению отношений между западными державами и Россией, вне контекста перспектив модернизации последней. В случае США влияние Москвы ослабевало по мере того, как уменьшалась их изоляция, вызванная вторжением в Ирак, а также снижалась прежняя значимость Афганистана и Аль-Кайды. Благодаря личным контактам Путину в течение какого-то времени удавалось поддерживать хорошие отношения с Европой, весьма чувствительной к «дефициту демократии». При высокой вероятности того, что этот традиционный «заповедник» российской дипломатии окажется для нее менее доступен по мере приближения сроков выборов в Германии и Италии, взаимоотношения России со странами Восточной и Центральной Европы также традиционно имеют тенденцию «остывать» быстрее, чем «теплеть».

Тем не менее, нынешнее «похолодание» отличается от прежних тем, что задачи внешней политики стран Вышеградской группы осложнены существованием трудноразрешимых проблем. Хотя споры, которые велись в связи с процессом расширения НАТО в середине 1990-х гг., до определенной степени касались и нас, мы в них не участвовали. Хотя процедура вступления в НАТО была долгой и утомительной, сама Организация становилась все более решительно настроенной, у России не оставалось иного выхода, кроме как сделать из всего этого правильные для себя выводы. Хотя относительно короткий «ледниковый период» в конце 1990-х гг. - одно из внешнеэкономических последствий финансового кризиса - переживался довольно тяжело, а вызванные им события в

сфере политики и дипломатии создали почву для некоторой озабоченности, исправить данную ситуацию на уровне Вышеградской группы было невозможно. Наоборот, нынешние процессы, по меньшей мере внешне, вполне соответствуют новым концептуальным основам и ориентации Вышеградской дипломатии. Извечные чаяния и цели внешней политики этих стран, доминировавшие на протяжении 1990-х гг., сумели наконец материализоваться в 2004 г. Тема интеграции в той или иной степени утратила прежнюю остроту. Главные задачи на сегодня - это, помимо прочего, определение национальной идентичности в рамках Евросоюза и концептуализация повестки дня новой внешней политики.

Провозглашенная ЕС политика добрососедства, несомненно, способствует более быстрому формированию новой концепции внешней политики. В целом, перспектива доступа в ЕС и НАТО создала условия для выработки нового политического курса и открыла новые возможности для стран Вышеградской группы: в качестве отдельных и независимых единиц они могут участвовать в создании идентичности всего своего сообщества именно тогда, когда переживают своего рода «кризис дипломатической идентичности». В данном контексте им был дарован исторический шанс: с одобрения и при содействии со стороны ЕС сохранить индивидуальные особенности своих прежних национальных политических курсов. ЕС обеспечил возможности для интеграции национальных «политик добрососедства» стран Восточной и Центральной Европы, что вполне соответствовало и требованиям вновь вступающих в него стран.

На пути развития этого процесса неизбежно возникнут определенные препятствия. С самого начала встает вопрос: будут ли национальные политические курсы восточно- и центральноевропейских стран в сфере политики добрососедства, основанные на ориентации этнических групп, совместимы с принципами функционализма, принятыми внутри ЕС, или нет? Сейчас пока трудно предсказать, не станет ли эта четко выраженная ориентация большинства стран Вышеградской

группы препятствием для обеспечения номинального единства внешней политики Евросоюза. В этом смысле война в Ираке и украинская революция дали в некотором роде ценный опыт. Очевидно, что, помимо указанных вопросов, одну из важнейших проблем представляют отношения с Россией - по крайней мере, на уровне общей политики в отношении Востока¹. Вышеградская группа должна проявить активность и «синтезировать» свою «восточную» политику, если во взаимоотношениях между ЕС и Россией - или между Россией и Западом - начнется заметное охлаждение. Во всех других своих аспектах - не говоря уже о повестке дня в отношении Белоруссии и Украины, которую отнюдь не следует недооценивать, - политика каждой из стран Вышеградской группы довольно обособленна и потому плохо вписывается в дипломатические отношения на уровне всего сообщества. Ввиду важного положения, которое занимает Россия и весь Восток в общей структуре политических отношений ЕС, эти индивидуальные отклонения от общего курса могут в будущем стать факторами, серьезно препятствующими политической интеграции.

Настоящая статья представляет собой попытку определить, возможно ли - и имеет ли смысл - выработать некую общую политику центральноевропейских стран в отношении России. Чтобы четко ответить на этот вопрос, придется одновременно проанализировать сразу несколько следующих актуальных проблем.

1. Могут ли общие цели и параллели, прослеживаемые во взаимоотношениях Вышеградской группы с Россией, обеспечить некую критическую массу?

¹ В этом смысле не имеет никакого значения тот факт, что Россия формально отказалась участвовать в политике добрососедства, проводимой в жизнь Европейским союзом. Крайне маловероятно, чтобы отношения между странами изменились лишь потому, что Москва - вопреки пожеланиям Брюсселя - не захотела принять участия в данной инициативе ЕС. В контексте европейской политики отношение к России будет таким, будто она - ее реальный участник; иными станут лишь те средства, которые применяются в отношении этой страны.

2. Каков приемлемый «набор» возможных общестратегических позиций?

3. Насколько велики шансы того, что подобные политические задачи смогут оказаться приемлемыми на уровне Европейского союза и мировой политики в целом?

Диалог между Центральной Европой и Россией

Взаимоотношения внутри Вышеградский группы нередко рассматриваются в том же контексте, что и взаимоотношения более глобального уровня, существующие между центрально-европейскими странами и Россией - и для этого есть достаточные основания. Отношения с Москвой - неизменный компонент любых дискуссий по данному вопросу. Ведь все эти страны некогда входили в советский блок, являясь оккупированными территориями; следовательно, характер двусторонних отношений в 1990-е гг. был до некоторой степени predetermined. В наследство от той эпохи нам достались страдания, многочисленные фобии, а также своеобразный детерминизм в сфере экономики и многообразные культурные связи и связи на личном уровне. Общий характер политики стран центрально-европейского региона predetermined, кроме того, существованием у них долгов и обязательств, доминирующим положением России в сфере поставок энергоносителей, близостью географического положения, «мягкими угрозами безопасности», сформировавшейся интерпретацией исторического прошлого, а также множеством других факторов. Однако при этом необходимо понять главное: одинаковы ли подходы каждой из стран Вышеградской группы к решению общих проблем и проведению в жизнь своих практически идентичных повесток дня? Какое относительное значение для каждой из этих стран имеют отдельные вопросы повестки дня и как они соотносятся?

Поэтому было бы нецелесообразно говорить о какой-либо единой политике Вышеградской группы в отношении с Россией. По сути, мы сравниваем отношение к ней четырех

отдельно взятых стран - и такого же числа политических деятелей, цели и установки которых во многом расходятся². Внутри «Вышеградской четверки» Польша последовательнее всех следует общим принципам в своих отношениях в восточными соседями, будучи при этом в силу исторических причин наследницей наиболее осложненных противоречиями двусторонних отношений. Неудивительно, что польская дипломатия традиционно менее всех склонна воспринимать территории к востоку от своих границ как единое целое и наиболее горячо подталкивает Украину - а в будущем и Белоруссию - к объединению с ЕС. Отчасти поэтому, а отчасти и по другим причинам Варшава в большей степени призывает к осторожности в выработке инициатив в отношении России.

Одновременно, с точки зрения Варшавы, отнюдь не целесообразно было бы искать себе партнеров лишь среди государств Вышеградской группы. В своем желании играть роль ключевого фактора и в наибольшей степени влиять на восточную политику ЕС Варшаве необходимо было бы обеспечить себе возможности для более масштабного мышления и более масштабную сферу влияния. Все это требует, в данной конкретной ситуации, более тесного сотрудничества с крупными державами - Германией и Великобританией, а также США. «Восточное измерение» - план регионального сотрудничества с восточными соседями - предполагает участие не только Вышеградской группы, но и стран Балтии, а также, в отдельных случаях, и Скандинавских стран³. Если для правительств большинства стран Вышеградской группы «восточная политика» рассматривается, главным образом, в общем ряду их дипломатических процедур - как одна из многих стоящих

² О политике, проводимой каждой из стран Вышеградской группы, см.: К. Pelczynska-Nalecz, A. Duleba, L. Pyti, V. Votapek (eds.), *Eastern Policy of the Enlarged European Union - A Visegrad Perspective*, SFPA, Bratislava, 2003, p. 272; а также С. Guicherd, *The Enlarged EU's Eastern Border*, SWP, Berlin, 2002, p. 88; pp. 52-56.

³ Тогдашний министр иностранных дел Польши дал краткий обзор предложений по этому вопросу в: *The Eastern Dimension of the European Union. The Polish View*, речь, произнесенная В. Цимошевичем 20 февраля 2003 г.: http://www.polishembassy.ca/news_details.asp?nid=85.

перед ними региональных проблем, то для Польши она является по-настоящему приоритетной, одним из основных движущих факторов ее внешней политики - по сути, ее миссией.

Подход Словакии к данной проблеме во многом прямо противоположен польскому. Многие видят в активной политике, проводимой словацкой дипломатией в отношении с Москвой, лишь стремление разрушить все то, что было достигнуто в эпоху правления Мечиара, и проявление антизападных настроений. На самом же деле исторические наработки в отношении между Словакией и Россией - что уникально для данного региона - довольно позитивны. Россия играла решающую роль в процессе пробуждения словацкого национального самосознания - более того, вторжение СССР в Чехословакию в 1968 г. воспринимается в Братиславе не столь явно негативно, как в Праге; то же самое можно сказать, например, и об отношении к событиям 1956 г. в Венгрии. Возможно, именно по этой причине - или же благодаря скрытому влиянию наследия правительства Мечиара, которое ощущалось вплоть до 1998 г. - ядром «восточной политики» Словакии была ориентация на Москву, и лишь недавно она начала «открывать для себя» Украину. В рамки этих дружелюбных отношений вполне вписывается тот факт, что в конце 2001 г. кабинет Джуринды продал российскому «Юкоосу» 49% активов компании «Словак Транспетрол», которая контролирует работу словацких нефтепроводов, а «Газпрому» было позволено приобрести отдельные участки газопроводов внутри страны⁴. Трудно вообразить, чтобы какая-либо другая страна Вышеградской группы пошла бы на предоставление подобных «концессий» российскому капиталу.

По сравнению со своими «вышеградскими соседями», Чешская Республика проявляла куда меньший интерес к

⁴ Концерн «Словацкая газовая промышленность» продал 49% своего капитала международному консорциуму за 2,7 млрд. долларов США. Три участника консорциума - немецкий «Рургаз», французский «Газ де Франс» и российский «Газпром» - получили равные доли.

восточному региону. Подобное отношение можно объяснить более отдаленным географическим положением, иными историческими ассоциациями, а также особенностями внутренней политической «конфигурации» Чешской Республики. Ввиду этих причин структура ее взаимоотношений с Востоком ограничивается чисто техническими вопросами, что является характерной особенностью политики Центрально-Восточной Европы. Помимо «советских долгов», поставок нефти и газа, а также сотрудничества в области военных технологий, вряд ли можно найти какие-то иные факторы, которые определяли бы комплексный и долгосрочный характер чешской «восточной» политики. Этой стране удалось создать систему прямых и достаточно простых отношений, а чешско-российские связи являют собой всего лишь наследие прошлого, без выработки какой-либо новой повестки дня.

Наконец, в Венгрии выявились значительные политические разногласия в оценках России. Эпоху правления консервативной коалиции с 1998 по 2002 год можно охарактеризовать как «мини-ледниковый период» в венгерско-российских отношениях. Некоторые эпизоды этих отношений выглядят убого-скандальными - что явилось результатом отсутствия серьезных двусторонних связей⁵. Впрочем, в конце 1990-х гг., когда в России заканчивалась «ельцинская эпоха», она оказалась в известной изоляции и считалась «трудным» партнером, подобные тенденции существовали отнюдь не только в Венгрии. После прихода к власти Путина отношение Венгрии к России стало еще более неприязненным. В то время Москва укрепила свои связи со странами Западной и Восточной Европы, однако не смогла добиться никаких положительных результатов в отношениях с Будапештом. Вследствие этого подобные установки во внешней политике стали одним из основных объектов критики со стороны находившихся в оппозиции социалистов и либералов, а преодоление их - яркой

⁵ См.: Z.Sz. Bíró, *Addenda to the Orbán-government's Russia-policies, 1998-2002* // B. Galló, Z. Udvarvölgyi (eds.), *New World Political Trends*, MTA PTI, Budapest, 2002, pp. 48-72.

характерной чертой венгерской дипломатии после 2002 г. Социалистическо-либеральный кабинет Медиеши делал все возможное и невозможное, чтобы установить хорошие отношения с Москвой.

Что же касается венгерских дипломатических отношений в целом, то «восточное измерение» всегда было и остается второстепенным по значимости в сравнении с балканским вопросом. Впрочем, подобный подход вполне отражает общеевропейские тенденции, характерные для рассматриваемого нами периода. Югославские конфликты того бурного десятилетия оттеснили на задний план проблемы менее турбулентного восточного региона. Более того, Венгрия, по собственному определению, является «воротами» не на Восток, а на Балканы. Поэтому и отношения ее с Россией следует рассматривать в несколько ином свете. Россия воспринималась не как региональный фактор и не как глобальная политическая сила, а, в лучшем случае, как европейская «великая держава». Будапешт оценивал Москву не в контексте ее политики в рамках СНГ (поскольку «восточный регион» для венгерских политиков уступал по значимости Балканам), а как важного участника политики европейских держав. Вероятно, в будущем это отношение изменится. Параллельно со вступлением в ЕС Румынии и Болгарии и стабилизацией ситуации на Балканах значимость «восточной политики» для Будапешта должна возрасти.

Тем не менее, наличие ряда общих черт в поведении четырех участников Вышеградской группы сообщает им известную уникальность. Речь идет об их позиции в рамках европейских интеграционных институтов, которая - в отличие от западной - характеризуется выраженным скептицизмом и недоверием к России. Эта хорошо оформленная установка стран Восточной и Центральной Европы основывается на отрицании концепции «изменившейся России», принижении успехов, достигнутых ею в деле преобразования существующего режима, а также на утверждении, что в России все еще сильны традиции советской эпохи. Страны Вышеградской группы до сих пор

видят в ней те же великодержавные механизмы, государственных и имперские установки, что определяли в свое время политику Советского Союза. С этой точки зрения «новая Россия» воспринимается ими скорее как «уменьшенный вариант» СССР.

Такая точка зрения была вполне естественна в начале 1990-х гг. Первое время правительства этих стран занимались «переработкой» наследия советской эпохи. СССР просуществовал до конца 1991 г., а советские - или российские - военные формирования покинули регион лишь в 1994 г.; в 1990 г. Варшавский Договор все еще был в силе. В свете хаоса, царившего тогда в Москве, вполне понятно было повсеместно распространенное недоверие к ней. Пересмотр горбачевской политики, возврат к великодержавному курсу, а также возможное возрождение былых претензий к странам Восточной и Центральной Европы являли собой постоянную угрозу. Главными целями «восточной политики» Вышеградской группы в тот период было «осторожное размежевание». Это, по сути, было целью всего местного «политического класса» - не говоря уже об ожиданиях западных политиков. Поэтому скептицизм по отношению к Москве со стороны недавно пришедших к власти оппозиционных элит был вполне понятен и оправдан. Постепенный распад прежних отношений внутри советского блока не встречал ни внешнего, ни внутреннего сопротивления и реализовывался на основе консенсуса. Разногласия возникали лишь в отношении тактических или технических вопросов.

Однако как внешнее, так и внутреннее единогласие в выражении подобного скептицизма стало менее стойким после распада СССР - в период проведения в жизнь гайдаровских реформ. В западном восприятии - помимо традиционного опасения имперской угрозы, персонифицированной в образе России, - возникла новая смутная тревога, связанная с возможными последствиями дезинтеграции и обнищания постсоветского пространства. Дело дошло до того, что в середине 1990-х гг. подобные опасения стали возникать в связи с любой потенциальной угрозой, проистекающей из возможного

возрождения великодержавных амбиций России. К концу же десятилетия наихудшим сценарием стала уже перспектива не усиления России, а, напротив, ее ослабления. Отчасти этими «нутряными» страхами можно объяснить и молчаливую реакцию Запада на октябрьские события 1993 г. в Москве, его «стратегическое терпение» в дискуссиях о возможности расширения НАТО и - более того - чувство облегчения после прихода к власти Путина.

Наоборот, в восприятии стран Восточной и Центральной Европы империалистическая угроза со стороны России остается «фактором риска № 1». Это до некоторой степени может быть объяснено не только гнетом исторического наследия, но и спорами по вопросу о расширении НАТО, где суть разногласий - лишь отчасти оправданно - видится в амбициях Москвы и в том упорстве, с которым она противопоставляет их стремлениям других стран. Споры эти велись без участия стран данного региона и служили своеобразным «алиби» их собственным действиям, одновременно породив вполне оправданное беспокойство новыми претензиями со стороны Москвы в отношении их самих. Так называемые «мягкие угрозы безопасности» со стороны восточных регионов - миграция, контрабанда, загрязнение окружающей среды и преступность, которые затрагивают Восточную и Центральную Европу в куда большей степени, чем других членов ЕС, не стали частью «дипломатического лексикона», оставаясь на уровне «прикладной политики».

Расхождения между интерпретациями данной проблемы, предлагаемыми Западом и странами Восточной и Центральной Европы, никоим образом не следует недооценивать. Принимая во внимание слабость российских и постсоветских структур, а также различия в общественном устройстве и уровнях благосостояния, можно сказать, что мы имеем дело с «однородным» восточным регионом. Несмотря на отдельные попытки ее дифференцировать, «восточная политика» ЕС в целом направлена на единообразное решение аналогичных проблем, стоящих перед Украиной, Молдавией и Россией.

Позиция Запада, кроме того, покоится на предположении о наличии коллективной готовности сотрудничать от имени России, которая была испытана на практике скандинавскими странами в период кратковременного существования «северного измерения». Что касается подходов к решению имеющихся проблем, то «имперская логика» Вышеградской группы предлагает для западных членов постсоветского пространства рецепты несколько иные, чем для России.

Исчезновение «Вышеградского консенсуса» в начале 1990-х гг. объясняется воздействием не только внешних факторов. Противонаправленная тенденция возникла и в политических спорах, ведущихся внутри этих стран и вызванных, главным образом, ностальгией по постсоветским рынкам. Здесь принимается во внимание лишь один компонент взаимоотношений - торгово-экономический. При этом полностью игнорируется значение России в сфере политики и общей безопасности. Россия предстает в виде некоего специфического «большого рынка», который «можно вернуть» без особых жертв и без вложения значительных средств. В 1990-е гг. лозунг «Обратно на советский рынок!» был исключительно популярен, причем независимо от интересов конкретных политических лобби и «прикладной политики». Дошло до того, что на политическом уровне он стал главным конкурентом «скептицизма по отношению к России». О недостатках «меркантилизма» данного типа можно сказать многое, но эту задачу мы перед собой не ставим. В реальности же российский рынок является по меньшей мере таким же «крепким орешком», как и рынок любой другой страны. Конкуренция там не менее интенсивная, а в некоторых отраслях даже превосходит уровень конкуренции внутри ЕС. Не позднее 1998 г., когда грянул финансовый кризис, было уже ясно, что прочная экономика невозможна без огромных государственных субсидий и инвестиций. После августа 1998 г., вследствие недостаточности подобных мер, показатели экспорта во внешней торговле стран Вышеградской группы упали до уровня вдвое меньшего, чем экспорт ЕС. У государств Восточной и Центральной

Европы попросту не было того количества свободных бюджетных ресурсов, которое требовалось для компенсации убытков, вызванных девальвацией рубля. Немногочисленные частные контакты, осложненные к тому же недостаточным пониманием особенностей резко изменившегося российского рынка, практически не имеют никакой цены, если отсутствуют конкурентоспособные товары.

Две рассмотренные выше точки зрения отнюдь не характерны лишь для Восточной и Центральной Европы. Так, например, такие консервативные мыслители в США, как Ричард Пайпс или Збигнев Бжезинский, считают русских неисправимыми империалистами. Вопрос о расширении экономических отношений неизменно присутствует в повестке дня любых ведущихся в Европе дискуссий о российской политике, где доминирует принцип противопоставления ценностей интересам. Впрочем, здесь мы видим уникальную ситуацию, поскольку две эти точки зрения остаются практически неизменными и главенствуют всецело в сфере общественной полемики, ведущейся в странах Вышеградской группы. При этом проблема прав человека в России упоминается крайне редко: чисто коммерческая аргументация игнорирует ее изначально, тогда как критические выступления в связи с войной в Чечне нередко эксплуатируются правыми экстремистами. Если авторитарность России считается самоочевидной тем, кто относится к Москве со скепсисом и недоверием, то в аргументации, основанной на меркантилизме, это обстоятельство теряет всякое значение.

Поэтому неудивительно, что мнение о России, широко распространенное ныне в Восточной и Центральной Европе, можно считать архаичным, причем необоснованные и некритичные проекции более раннего опыта взаимодействия с нею нередко служили оправданием тех процессов, что происходили там в 1990-е гг. Оба эти важные и нередко доводимые до крайности стереотипа, сложившиеся в общественном сознании, - недифференцированное олицетворение России с Советским Союзом, утверждающее общность их действий, политики

и целей, с одной стороны, и экономически-ориентированная аргументация, возводящая в абсолют торговлю и зацикленная исключительно на российском рынке, с другой - можно считать порождением более ранних дискуссий, которые являются пережитком эпохи советского блока.

Обе эти интерпретации оказались на удивление широкими, гибкими и - что самое главное - живучими; обе они обеспечивают не подлежащие сомнению ответы на важнейшие вопросы, а также позволяют сравнивать и противопоставлять многие, на первый взгляд парадоксальные, процессы, которые вписываются в провозглашаемые ими системы ценностей, объясняя тем самым суть событий, происходивших в России на протяжении 1990-х гг. Одна из этих популярных концепций, постулирующая преемственность СССР и России, сумела представить как единое целое прозападный курс Кремля предыдущей эпохи, гайдаровские реформы и специфичность российской цивилизации и культуры, а также отрицание легитимности смены режимов в Москве, российский культ государственности и всемогущество Москвы - несмотря на эрозию центральной власти, хорошо ощутимую в данном регионе, и образ мафиозной империи. Каждое явление или событие, напоминающее о советской эпохе, неизменно интерпретировалось как неотъемлемый и исключительный элемент новой российской политики, в то время как любое событие, могущее служить доказательством противоположного, считалось тактическим или обманным маневром. При этом экономически-ориентированная интерпретация по сути отрицала политический и социальный аспекты изменений, претерпеваемых режимом, и упорно продолжала рассматривать российские события через узкую призму экономических интересов. Таким образом, вторая интерпретация не требовала всестороннего анализа и исследования процессов, происходивших в России, и уделяла внимание лишь их профессиональным и тактическим элементам.

Очевидно, что ситуация в России вполне могла служить подтверждением обоим этим в основе своей упрощенных ее

истолкований. Некоторые периоды развития страны и особенности ее политического курса до определенной степени несомненно подтверждали тезис о неразрывной преемственности советско-российского опыта, широко осуждаемой как внутри страны, так и за рубежом, тогда как отсутствие консолидации в политической и социальной сферах в значительной степени ограничивало как внешнеэкономические, так и другие связанные с ними перспективы. Все эти «симптомы» становились еще более выраженными из-за установок российской политической и экономической элиты в отношении Восточной и Центральной Европы, ибо элита эта не хотела, не умела, или же была неспособна разрушить - или хотя бы частично поколебать - сложившиеся стереотипы. Этим можно объяснить существование в основе своей искаженного образа России, который - благодаря обобщению то и дело возрождающихся стереотипов - доминирует в общественном сознании стран Вышеградской группы.

На основании приведенных выше наблюдений можно утверждать, что политические курсы стран Вышеградской группы, проводимые в отношении Востока, могут быть скоординированы и успешно представлены в ЕС, хотя процесс этот не будет протекать автоматически: для этого недостаточно просто посмотреть на карту Европы и отметить фактор географического соседства, или сослаться на уникальный исторический опыт и силу инерции. Странам Вышеградской группы необходимо привести общие пункты своей повестки дня в отношении Востока в соответствие с индивидуальными пожеланиями каждой из них. Отсюда следует, что и сотрудничество на любом уровне должно явиться результатом политических решений и сознательных действий. Каждый, кто надеется на то, что консенсус среди стран Вышеградской группы может быть достигнут в рамках учреждений Европейского союза и противопоставлен политике Запада, проводимой по отношению к России, - несомненно, ошибается. Вероятно, именно на этом предположении и строится польская инициатива «восточного измерения». Таким образом, далее имеет смысл

рассмотреть набор общих черт, объединяющих политику стран Вышеградской группы в их отношениях с Россией.

Сотрудничество в отрасли энергетики

Регион Восточной и Центральной Европы импортирует почти исключительно российские энергоносители. Анализ данных обо всех основных энергоносителях ясно показывает, что - если не принимать во внимание внутреннее производство - основной объем нефти, газа и ядерных тепловыделяющих элементов поступает из российских источников⁶. Хотя подобную ситуацию можно интерпретировать как наследие советской эпохи, она вряд ли резко изменится в течение следующего десятилетия, как не менялась она и на протяжении последних пятнадцати лет. Пусть бесспорным фактом является то, что строительство трубопроводов и сопутствующей инфраструктуры проистекало из логики создания политического блока - несомненно и тот факт, что Россия, в контексте экономик этих стран, является наиболее дешевым источником энергоресурсов. Более того, поставки энергоносителей с Востока играют решающую роль и в энергетике стран, расположенных к западу от нас, - Германии, Австрии и Италии, и они собираются увеличивать долю этих поставок в будущем.

Поэтому вопрос о российских поставках энергоносителей занимает особое место в политических отношениях стран Вышеградской группы с Россией, но вовсе не из-за того, что он осложняет внешнеэкономические отношения: ведь подобный же «пассивный» торговый баланс существует, например, в

⁶ Очевидно, что все эти данные относительны. Совокупная доля трех упомянутых здесь основных энергоносителей не покрывает даже половины всего потребления «вышеградской четверки», составляя 46,3% (см. *Statistical Review of World Energy*, www.bp.com). Эта доля еще более уменьшается, например, в результате диверсификации импорта ядерных тепловыделяющих элементов. С другой стороны, доля всех энергоносителей, как и недостаток их импорта, будут в ближайшие годы возрастать. Из-за неконкурентоспособности и инициированной профсоюзами либерализации угольная промышленность, скорее всего, будет отставать в своих показателях; производство газа и нефти в странах Вышеградской группы также имеет тенденцию к снижению.

отношениях с Норвегией или Саудовской Аравией. Заранее обреченная на провал попытка экспортеров Вышеградской группы привлечь российские нефтедоллары, с тем, чтобы они тратились в тех странах, куда идут поставки, потерпела бы относительное фиаско и в отношениях с любым другим поставщиком. Суть полемики, ведущейся по этому вопросу, можно объяснить действием двух факторов: с одной стороны, это типичная проблема региона Восточной и Центральной Европы, не имеющая отношения к Европейскому союзу, который косвенно поощряет подобную зависимость, и с другой - она порождает двусмысленность в вопросе о поставках, напрямую связанном с вопросом безопасности.

Данный вопрос можно обсуждать по четырем направлениям. Во-первых, поставки российских энергоносителей не сопряжены ни с какими проблемами. Это подтверждается весьма основательными доводами. На протяжении последних пятнадцати лет - сколь бы бурными ни были события, происходившие в восточной регионе, - поставки не прерывались ни разу. Это - само по себе замечательное достижение, если учесть случившиеся за это время распад СССР, два путча в Москве, войну в Чечне и резкий спад в российской экономике. Несмотря на все эти трудности, российская сторона хотела и могла обеспечивать поставки энергоносителей. Второй убедительный аргумент основывается на двустороннем характере существующей зависимости. Примерно 90% экспорта российского газа и 80% нефти предназначены для европейского региона. Учитывая тот факт, что подобная структура рынка все более соответствует структуре рынка ЕС, Брюссель окажется в еще более выгодном положении. Иными словами, положение Москвы - несмотря на все ее усилия - более не позволяет ей успешно торговаться с дюжиной мелких государств; ей придется приспособливаться к требованиям объединенного рынка. Сколь бы ни было велико желание российского «энергетического лобби» диктовать свои собственные условия, ценовые взаимоотношения и ситуация в сфере ценообразования меняется не в его пользу. Наоборот, страны

Восточной и Центральной Европы теперь не только потребители, но и «передаточное звено», поэтому вряд ли можно представить себе ситуацию, когда поставки вдруг иссякли бы.

Тем не менее, такая аргументация имеет и свои слабые стороны. Так, например, лежащие в ее основе логические умозаключения крайне непопулярны в Литве со времен горбачевской «энергетической блокады». Хотя ведущие политики не высказывали этого вслух, но на протяжении 1990-х гг. подобная скрытая угроза нередко бывала частью российской политики: так, посол России в Чешской Республике в период расширения НАТО намекал на возможность пересмотра договоров, существующих между двумя государствами. Впоследствии Москва прилагала усилия, чтобы разубедить пражскую элиту в реальности такой угрозы, однако это неосторожное высказывание раз и навсегда разрешило вопрос об источнике поставок газа в пользу Норвегии⁷.

Значимость роли ЕС возрастает столь же медленно и также имеет двойственный характер. Очевидно, что Москва не желает принимать общих правил, вводимых ЕС, которые нарушили бы ее интересы. По ряду причин Брюссель пошел на уступки в отношении долгосрочных договоров⁸, в то время как традиции применения «региональных положений»⁹, вызывавшие гнев Брюсселя, отменяются далеко не сразу. Например, Венгрия платит за российский газ на 15–20% больше, чем более отдаленная, более конкурентоспособная и экономически влиятельная Германия. Дальнейшие перспективы здесь также не очень ясны, ибо Россия использует все доступные ей средства, чтобы избавиться от транзитной зависимости от

⁷ Следует отметить, что мартовское фиаско 1997 г. послужило основанием для отзыва посла в Праге Николая Рябова.

⁸ Первоначальный план был рассчитан на краткосрочный рынок газа и потерпел неудачу из-за особенностей развития рынка.

⁹ Одно из положений российского договора о поставках газа запрещает реэкспорт газа за пределы границ страны-получателя. Ценовая дискриминация со стороны Москвы основывается на продажах топливных материалов разным странам по неодинаковой цене. Это противоречит принципам объединенного рынка.

других стран. Балтийские страны уже имели определенный горький опыт в связи со строительством Петербургского трубопровода (BTS)¹⁰. Наконец, Кремль целенаправленно старается снизить объемы импорта сырья в Европу. Похоже, что главная цель его при этом - получить доступ на китайский, дальневосточный, американский и другие свободные рынки и установить с ними прямые торговые связи. Такая политика уже дает свои плоды. Поэтому странам Вышеградской группы следует выработать более решительную политику обеспечения себя энергоносителями.

Вторая линия рассуждений исходит из того, что основные риски, связанные с российскими энергоносителями, - экономического характера. Здесь, впрочем, главная проблема не в том, что поставки идут из России, а в том, что практически вся наша экономика снабжается из одного источника: газ - от «Газпрома»-монополиста, нефть - от одной хорошо скоординированной группы производителей. В результате возникает серьезный дефицит конкуренции. Реальная либерализация рынка при этом недостижима и, по сути, теряет смысл, ибо принуждает рынки развиваться в нежелательной направленности, что в конечном итоге может привести к необходимости введения большего контроля со стороны государства. В такой ситуации вероятно возникновение потребности в принятии жестких коллективных или национальных антитрестовских актов, контроля за ценами и собственностью и сохранения регулируемых секторов рынка. Впрочем, данное предложение лишь отчасти соответствует планам Евросоюза, и автоматическая реализация его в настоящее время не предполагается.

Эквивалентом данной аргументации в контексте проблемы зависимости от поставок и национальной безопасности является создание «физической диверсификации». Основной среди наихудших сценариев развития событий предполагает воз-

¹⁰ Для завершения картины необходимо указать, что страны Балтии, естественно, воспользовались инфраструктурным наследием СССР, получив «в нагрузку» и зависимость от России. Поэтому на протяжении 1900-х гг. они получали энергоносители по очень скромным ценам. Тем не менее, после прекращения зависимости Москва не хочет сохранять подобную ситуацию.

возможность повреждения восточных участков трубопроводов и возникновение кратковременных или длительных перебоев в поставках. Эти тревоги еще более усиливаются постоянно возникающей «зависимостью от единого трубопровода» и недостаточностью резервных запасов. Поэтому большинство стран региона стремятся увеличить свой резервный потенциал и в отдельных случаях - построить альтернативные трубопроводы. Благодаря членству в ОЭСР им удалось увеличить стратегические запасы нефти до 90-дневного уровня, и в большинстве из них ведутся работы по дальнейшему увеличению резервов. Ввиду достижения критически низких уровней к концу зимы в предыдущие годы стремление увеличить резервы газа стало повсеместной тенденцией. Тем не менее, теперь уже очевидно, что прекращение поставок на более длительный срок создаст для правительств этих стран неразрешимую проблему.

Третья линия рассуждений основана на различии экономических культур. Имеется в виду, что любые поставки с Востока сопряжены с латентными экономическими рисками, а также рисками в отношении национальной безопасности. При этом изначально в данной аргументации поставкам газа из Норвегии или Нидерландов отводится совершенно иная роль. Здесь в инфраструктуре не предвидится никаких конфликтов по политическим или техническим причинам, которые могли бы создать угрозу для непрерывности поставок. Следовательно, невозможно представить себе такую ситуацию, как, например, в феврале 2004 г., когда Москва из-за финансовых разногласий на один день прекратила поставки через территорию Белоруссии или когда в конце 1990-х гг. «Лукойл» бойкотировал поставку сырья для литовского нефтеперерабатывающего завода. Законы и правила, системы ответственности и условия владения собственностью, существующие к востоку от наших границ, определены довольно нечетко, а инфраструктура является предметом постоянных политических и финансовых споров. Тем не менее, эти опасения не всегда высказываются вслух, однако присутствуют в форме концепции «мягкой угрозы безопасности», поэтому ситуацию

невозможно исправить на уровне национальной внешней политики. Весьма вероятно, что проблему нельзя будет успешно разрешить, пока ситуация на Востоке хотя бы отчасти не стабилизируется, однако для этого потребуются динамичное объединенное участие в сфере внешней политики всех стран Вышеградской группы.

В рассматриваемые проекты, возможно, следует включить и вопрос о российских инвестициях в Восточной и Центральной Европе. Однако в рамках данной интерпретации проблемы подобные инвестиции оказываются уже не политически мотивированными, а продиктованными экономической логикой. Усилия российских экономических структур проникнуть возможно глубже в промышленную вертикаль и максимально закрепить за собой ее периферийные «ответвления» вполне можно было бы приветствовать. Однако, учитывая правила, действующие в постсоветской экономической культуре, подобное вмешательство традиционно сочетается с другими, более подозрительными действиями и потому нежелательно.

Приведенная выше интерпретация в определенной степени верна, хотя и не всегда учитывает реальную ситуацию - ведь уровень российских капиталовложений в настоящее время вполне разумен. Так, например, нефтеперерабатывающие заводы «Лукойла» в Румынии и Болгарии или сеть бензинозаправочных станций на десятой части восточного побережья США вполне сумели приспособиться к местным условиям и нормально функционируют. Поэтому тот постулат, что российские инвестиции всегда автоматически импортируют в страну и моральные принципы, свойственные российскому бизнесу, далеко не всегда безусловно правилен. Случай несанкционированной прокладки оптоволоконных кабелей вдоль ямальского трубопровода является собой скорее исключение на раннем этапе, чем общее правило¹¹. В сочетании с капиталами

¹¹ При строительстве ямальского трубопровода через территорию Польши российские инженеры вместо обычного сопутствующего информационного кабеля заложили высокоскоростной для передачи больших объемов информации, равных трети или половине информационных потребностей системы «Транс-Европа».

других иностранных инвесторов или же в ограниченном объеме, как это было, например, при приватизации Словацкой системы трубопроводов, некоторая доля российских инвестиций была бы, наоборот, весьма желательна для данного сектора. С другой стороны, необходимо признать, что сам политический климат в Восточной и Центральной Европе таков, что нередко принуждает компании прибегать к злоупотреблениям. В то время как правительства стран Вышеградской группы формально не возражают против присутствия российских инвесторов, политики местного уровня могут торпедировать даже самые привлекательные предложения. Наличие такой тенденции подтверждается несколькими конкретными примерами: бывало, например, что предложения самой высокой цены в рамках тендера, инвестиций, новых рабочих мест и социальных благ отвергались как ничего не стоящие. Поэтому было бы вполне целесообразно законно оформить право местных элит требовать у российских инвесторов гарантий определенной финансовой и социальной компенсации. В связи с этим, вероятно, станет необходимым более частое проведение проверок, временное участие западных партнеров, а также временное ограничение тех или иных прав. Ввиду темного происхождения потенциальных инвесторов и ненадежности российского бизнеса подобные ограничения - при условии, что они прозрачны, а кандидаты в инвесторы будут проинформированы обо всем заранее - вполне законны и оправданны. При всем том российским компаниям, в случае, если они соблюдают все требуемые условия, надо будет обеспечить свободный доступ в регион. Нынешняя политическая практика скандальна и непредсказуема, а потому вредит всем сторонам.

Наконец, в соответствии с четвертой линией рассуждений российские энергоносители считаются политическими инструментами, применяемыми Кремлем для сохранения своих претензий на региональное влияние. В свете такой интерпретации частные российские компании в лучшем случае служат обычными посредниками, не обладая ни суверенитетом, ни

адекватным влиянием, которое позволило бы им отстаивать собственные интересы в мире политики. Отсюда следует, что российские инвестиции в страны Восточной и Центральной Европы нежелательны, и потому следует избавиться от зависимости от восточных ресурсов. По сути, в соответствии с такой логикой, компании-инвесторы, с их амбициями, представляют собой «пятую колонну» российской имперской интервенции, а потому заслуживают крайнего недоверия. Подобные высказывания стали звучать особенно громко в связи со скандалом вокруг президентства Паксаса в Литве и национализацией «Юкоса».

Все это говорит о том, что энергоносители стали «сверхполитизированным» продуктом. Любое государство как в Западной, так и в Восточной и Центральной Европе, не говоря уже о России, рассматривает свою энергетику в качестве стратегического ресурса. Ни в западной, ни в восточно- или центральноевропейской стране не совершалось ни одной крупной покупки в промышленном секторе без предварительных политических консультаций на том или ином уровне. Эта тема постоянно открыто присутствовала в двусторонних переговорах и на политических саммитах в столицах вышеградских государств и Москве как в девяностые годы, так и в настоящее время - причем часто по инициативам, исходящим от стран Восточной и Центральной Европы. К счастью, стиль и порядок проведения таких переговоров заметно отличается от того, что происходит на территории бывшего СССР, где извечной темой является наличие тесных и чрезмерно политизированных отношений между неплатежеспособными потребителями, обладающими монополией на транзит через свою территорию, и Россией, а также классическая «конкуренция разных носителей власти». По сравнению с регионами к востоку от нас, «ландшафт» энергетической отрасли в странах Вышеградской группы определяет дружелюбие и миролюбие.

Столь же верно и то, что страны Вышеградской группы являются всего лишь пешками в более масштабных политических играх, связанных с поставками энергоносителей. Их

рынки невелики, инвестиции и возможности для сотрудничества ограничены, и они весьма антагонистически воспринимают русских, в то время как региональный бизнес и его влияние на мировую политику незначительны. Потому и Москва рассматривает в качестве единственных реально значимых этапов на пути к тому, чтобы стать «энергетической сверхдержавой», установление партнерств с Берлином, Римом, Вашингтоном, Пекином и Дели. Этот факт является сам по себе своеобразной гарантией корректного поведения Москвы по отношению к нам, ибо она вряд ли захочет дискредитировать свой с трудом обретаемый и крайне хрупкий статус «энергетической сверхдержавы» ради получения выгоды на столь незначительном сегменте рынка. Но в то же самое время для стран Вышеградской группы явно дискомфортна ситуация, когда энергетические рынки и партнерства организуются без учета их мнения и без их участия. Этим странам пока не удалось обрести эффективное влияние в данном вопросе, а нынешние политико-экономические тенденции показывают, что такое положение дел сохранится и в будущем.

Однако имеются три аргумента, оспаривающие истинность теорий относительно российского «энергетического империализма». С одной стороны, для российских экономических структур крайне желательна еще большая степень их присутствия в регионе. Поэтому у политиков нет необходимости оказывать давление на бизнес или принуждать российских олигархов участвовать в невыгодных или убыточных предприятиях. Активы, задействованные в промышленном секторе Восточной и Центральной Европы, относительно дешевы, доступны путем их приватизации, обеспечивают надежный «мост» в ЕС и технологически связаны с российской инфраструктурой. Если злонамеренные политические амбиции еще и существуют, они могут теперь проявляться лишь в сочетании с легитимными, оправданными и удобными для соседей экономическими интересами. Если первое - всего лишь предположение, то второе - бесспорный факт.

С другой стороны, на уровне внешней политики мы не видим никаких признаков проявления Россией глобальных политических амбиций в отношении данного региона, которые якобы существуют в сфере энергетики. Разногласия, возникшие в связи с расширением НАТО, явили собой единичный конфликт скорее в сфере политики и национальной безопасности, чем в сфере экономических интересов. Большинство московских политиков считает тогдашнее поведение Кремля ошибочным и препятствовавшим продуктивному диалогу. Комментаторы из стран Восточной и Центральной Европы весьма склонны переоценивать и до некоторой степени неправильно интерпретировать предложения об экономической экспансии, содержащиеся в «карагановской доктрине» 1997 г.¹² Наконец, безоговорочный перенос опыта Балтийских стран на весь остальной регион искажает реальную картину. И Москва, и столицы стран Балтии в той ситуации с готовностью воспользовались возможностями, предоставляемыми постсоветской «игрой во власть». Данная проблема во многих своих аспектах весьма печальна и отравляет отношения вокруг проекта трансъвропейского трубопровода в рамках системы «Транс-Европа», однако ее нельзя автоматически экстраполировать на весь бывший советский блок. Но мы не думаем, что в отношении энергетического сектора будет применяться какая-либо тайная программа экспансии, вдохновляемая политическими амбициями - окутанная завесой секретности и замаскированная дипломатическими уловками. Здравый смысл - как и элементарное знание российских внешнеполитических реалий - говорят о явной несостоятельности подобных теорий о наличии «заговора».

¹² В этом документе предлагается создание неких экономических рамок, в большей степени ориентированных на сотрудничество, чем системы, основанные на политических соображениях национальной безопасности, именно для того, чтобы успокоить жителей Восточной и Центральной Европы. Это соответствовало «олигархическому характеру» той эпохи и, по намерению авторов, должно было избавить от излишних тревог правительства стран региона. Полный текст см. на сайте: <http://www.svor.ru/live/materials.asp?m.id=7005>.

Наконец, целесообразно было бы задаться и таким вопросом: а способна ли вообще российская нефтегазовая промышленность, несмотря на свою явную заинтересованность, служить адекватным подспорьем политическим амбициям, приписываемым Кремлю. Реальные установки Кремля, вкуче с экономическим и финансовым статусом самих этих структур, препятствуют их сколь бы то ни было масштабной экспансии в Восточной и Центральной Европе. Вряд ли можно с уверенностью утверждать, что «Газпром» или «Лукойл», имея доход в 30 млрд. долларов и прибыли на 4–5 млрд., могут позволить себе потратить несколько миллиардов долларов, необходимых для завоевания восточно- и центральноевропейских рынков. Всем этим компаниям необходимо вкладывать громадные суммы во внутреннюю инфраструктуру и выполнять свои политические и социальные обязательства; от них ожидается деятельность на глобальном уровне, и все они до некоторой степени подвержены влиянию западного капитала и технологических рынков. Американские и западноевропейские компании с капиталами более 100 млрд. долларов могли бы получить доступ к восточноевропейским предприятиям легче и дешевле, и притом встретили бы куда меньшее политическое сопротивление. Далеко не случайно, что инвесторами в энергетический сектор стран Вышеградской группы являются почти исключительно западные компании. Для данной ситуации типично, что, когда «Газпром» был не в состоянии выплатить 900 млн. долларов за небольшую долю участия в словацком газопроводе, его французские и германские партнеры по инвестициям предоставили требуемую сумму в виде займа. Поэтому маловероятно, чтобы российские компании - в одиночку, опираясь лишь на свои собственные ресурсы - оказались способны завоевать стратегические позиции в данном регионе.

Все четыре рассмотренные выше линии теоретических построений насчитывают среди своих сторонников многих экспертов, политиков, дипломатов и экономистов-аналитиков. Вообще говоря, страны Вышеградской группы - если бы имели

такую возможность - все же предпочли бы отсечь «пуповину», связывающую их с российским энергетическим сектором, и потому подходят к решению данного вопроса с осторожностью. В свете всего вышесказанного это отнюдь не эквивалентно русофобии, являясь лишь местным вариантом вполне легитимной попытки диверсификации, которая могла бы быть предпринята любой другой страной мира. Кроме того, это - их законные интересы, которые могут быть открыто и прямо представлены и на международных форумах, при условии, что они не будут иметь антироссийской направленности. Эти две точки зрения следует рассматривать отдельно, а не искусственно раздувать их и рассматривать как поводы для истерии - что нередко бывало в прошлом. Речь здесь идет скорее о том, чем придется пожертвовать, какие инструменты использовать и каких партнеров привлечь для того, чтобы достигнуть успеха.

Опыт последних пятнадцати лет показал, что, уменьшая эту зависимость, никаких «прорывов» добиться не удастся. Любые планы, предусматривавшие импорт энергоресурсов из других источников - например, газа из Норвегии или нефти с Ближнего Востока - в целом оказались несостоятельными. Благодаря выгодным российским ценам и надежности поставок исчезла необходимость заключения договоров на большие объемы дорогостоящих ресурсов. В большинстве случаев страны Вышеградской группы вполне удовлетворены возможностью присоединения к европейской системе трубопроводов, некоторыми инфраструктурными изменениями, а также тактическими поставками небольшого количества западного импорта. Однако это вовсе не означает, что в долгосрочной перспективе следует вообще отказаться от какой-либо диверсификации. Импорт ближневосточного природного газа по газопроводам - «проект Набукко», поддерживаемый ЕС, - теоретически мог бы привести к фундаментальной реорганизации рынков данного региона. Тех же результатов можно было бы ожидать и от расширения поставок жидкого газа, которые могли бы серьезно изменить существующую ситуацию в

случае, если бы в Европе началась маркетинговая компания по его распространению. Ни один из этих проектов не может быть реализован в рамках одного региона - это возможно лишь на общеевропейском уровне.

Кроме того, необходимо осознать, что национальный протекционизм 1990-х гг. остался в прошлом. В рамках Европейского союза вряд ли возможно было бы традиционным образом сохранять протекционизм в промышленном секторе. Либерализация рынка, сокращение субвенций и необходимая в связи с этим приватизация обеспечат большее пространство для участия иностранных инвесторов, в том числе и российских. Поскольку ряд местных правительств видят в этом определенную угрозу, было бы целесообразнее начать действовать раньше, чем этот процесс заявит о себе. Сегодня национальные правила уже не действуют, а правила на уровне Евросоюза еще не имеют силы. Однако цели европейской политики в энергетическом секторе, некоторая стабилизация ситуации на Востоке, продолжение «энергетического диалога» с Россией во многом совпадают с интересами стран Вышеградской группы. Ввиду «размывания» власти на национальном уровне, параллельно уменьшению степени вмешательства государства в экономику, было бы целесообразно активизировать деятельность на уровне сообщества. Внедрение новых проектов в сфере инфраструктуры, более эффективный анализ соотношения необходимости поставок и необходимости сохранения национальной безопасности, распространение прозрачных и проверенных рыночных механизмов могли бы в долгосрочной перспективе ослабить тревоги, связанные с российским «энергетическим империализмом».

Традиционная политика внешней торговли и развития

Несмотря на ностальгию по утраченным советским рынкам, доля поставок в Россию, как ни странно, занимает лишь малую часть в структуре экспорта «вышеградской четверки». В 2002 г. лишь Польше удалось экспортировать на российские рынки более 3% своей экспортной квоты, тогда как показатели трех

остальных стран оставались ниже 1,5%. Но даже экспорт Польши был ниже 3,4% - уровня, достигнутого ЕС-15. Таким образом, доступ «четверки» в ЕС, благодаря их импорту и большим счетам за энергоносители, позволил увеличить долю России во внешней торговле ЕС. За исключением Чешской Республики, все остальные страны Вышеградской группы превысили уровень квоты ЕС 2003 г. для импорта из России, равного 5,2%, причем Словакия превысила его вдвое.

Все это тем более огорчительно, что одной из традиционных целей экономической политики этих стран было сокращение их обязательств в отношении России, а также весьма осторожный подход к использованию своего знания рынка, унаследованного от эпохи «советского блока». В свете указанных выше данных можно сделать вывод, что производителям продукции из «вышеградской четверки» не удалось компенсировать свои недостатки в плане конкурентоспособности и закрепить на российских рынках. Однако это отнюдь не может служить основанием для полного ухода с восточных рынков. Учитывая открытость экономик стран Вышеградской группы, почти 80%-ную долю ЕС в экспорте «четверки», а также крайне медленный рост рынка на уровне ЕС, необходимость диверсификации экспортных рынков становится еще важнее, чем прежде.

Перспективы здесь многообещающие. В результате вступления в ЕС капитализация некоторых видов промышленной продукции, потенциально ориентированных на экспорт, идет полным ходом. Одним из примеров может служить сельскохозяйственный сектор, где - в результате высокой конкуренции с Россией в сфере ценообразования и качества - венгерские и польские продукты постоянно «плетутся в хвосте». Еще большее значение имеет тот факт, что со вступлением в ЕС страны «четверки» оказались в системе гарантий Евросоюза. Предоставляя кредиты и различные другие меры поддержки производителей, Брюссель смягчил негативные последствия российского финансового кризиса 1998 г. для внешней торговли, бремя которых - без преувеличения - странам

Вышеградской группы приходилось нести вплоть до недавнего времени¹³. Подобная помощь со стороны ЕС в условиях кризиса, несомненно, сделает российский рынок более привлекательным в долгосрочной перспективе.

Одновременно российский рынок традиционно требует «представительских инвестиций»¹⁴. Ради увеличения объемов своей торговли с зарубежными странами по-настоящему успешные западные компании идут на определенные инвестиции, и это явно требуется и на российском рынке. У фирм же из стран Вышеградской группы редко имеются в наличии необходимые для этого ресурсы. Государственная инвестиционная политика - ввиду тяжелой нагрузки на национальный бюджет и несмотря на ностальгию по советским рынкам - никогда не предусматривала компенсации подобных затрат. В результате продукция некоторых стран Вышеградской группы поставляется на восточные рынки западными дистрибьюторами.

Ситуация в сфере инфраструктуры транспорта и обеспечения поставок столь же нестабильна. Хотя страны Вышеградской группы всегда подчеркивают свою роль в транзите поставок или надеются стать «мостом» в отношениях между Востоком и Западом, в настоящее время их правильнее было бы называть «затоном». На протяжении последних десятилетий эти страны буквально «пожрали» инфраструктурное наследие 1970-х и 1980-х гг., не прилагая при этом особых усилий, чтобы исправить ситуацию. Создание транзитных коридоров в рамках системы трансъевропейских коммуникаций и меры, предпринятые с целью ускорения поставок, пока не дали удовлетворительных результатов.

Главный вопрос состоит в следующем: в каком объеме и насколько активно смогут страны Вышеградской группы сотрудничать в деле решения указанных проблем. Нельзя

¹³ Если ЕС сумел восстановить докризисный уровень оборота к 2001 г., странам Вышеградской группы удалось сделать это лишь к 2003-2004 гг.

¹⁴ Z. Ludvig, *The enlarged EU and Russia - What do Visegrad countries contribute to EU-Russian economic relationships?*, Рукопись, p. 10.

отрицать и того факта, что все четыре страны соперничают друг с другом в этой сфере по меньшей мере столь же интенсивно, сколь и сотрудничают. Так, в экспортном секторе существует явная конкуренция между некоторыми из стран Вышеградской группы в отношении лекарственных средств и бумажной продукции, а иногда и пищевых продуктов. Что касается создания транзитных коридоров между Востоком и Западом, то здесь идет соревнование не только между государствами - Польшей, Словакией и Венгрией - но и между регионами, которые порой стремятся «повернуть» их на свою территорию на стадии подготовки проектов.

Однако существует и ряд важных вопросов в отношении способности или желания стран Вышеградской группы сглаживать противоречия, существующие между ними. Первый связан с либерализацией внешней торговли и снятием протекционистских барьеров как в отношениях между ЕС и Россией, так и внутри СНГ. Ввиду неспособности предприятий стран Восточной и Центральной Европы к эффективной конкуренции, для них жизненно необходимо облегчить себе доступ на иностранные рынки. Это не сопряжено практически ни с какими рисками. Учитывая структуру российского экспорта, ориентированного на «вышеградскую четверку», трудно представить, чтобы Россия начала бы еще более широкую наступательную кампанию с целью захватить более чем 80%-ную долю доступных ресурсов. Поэтому было бы целесообразно начинать серьезные переговоры по вопросам либерализации торговли сразу после вступления в ВТО, т. е. несколько лет назад; более того, и сегодня странам Вышеградской группы следует предпринимать решительные шаги в этом направлении. Европейский союз мог бы пойти на щедрые уступки ввиду существующей асимметрии в торговых отношениях¹⁵. Желательно было бы осуществить асимметричное снятие таможенных барьеров или выборочное открытие

¹⁵ Торговый оборот с ЕС-15 составляет более половины объема российской внешней торговли за пределами СНГ, тогда как Россия занимает всего лишь шестое по значению место в списке торговых партнеров Брюсселя.

рынков - если это приведет в дальней перспективе к большей либерализации российского рынка. Поэтому велика вероятность того, что для стран «четверки» такой путь может оказаться выгоднее, чем для давних членов ЕС.

Вопрос о либерализации внутри СНГ не представляет интереса для стран Вышеградской группы. Многие в Восточной и Центральной Европе, а также на Украине и в Белоруссии с подозрением относятся к подобным планам Москвы. Несомненно, постсоветская либерализация, инициированная Москвой, может быть интерпретирована как экспериментальная реинтеграция, порожденная экономическими и политическими амбициями. Несомненно, что реализация свободной торговли на первом этапе постсоветского развития явится позитивным достижением для стран Вышеградской группы, ибо в результате вместо четырех мелких рынков им будет предложен один большой, при одновременном снятии ограничений на доступ к нему. Несмотря на то, что это будет одновременно и важный шаг на пути включения в европейскую свободную торговлю - поскольку исчезнет необходимость вести отдельные переговоры с каждым из своих восточных соседей - он отнюдь не обязательно должен повлечь за собой быструю интеграцию стран-участниц СНГ. Помимо имеющегося опыта СНГ в данной сфере, диспуты по экономическим вопросам, ведущиеся внутри самой ЦЕАСТ, также указывают на существование определенных ограничений в рамках подобного сотрудничества. ЕС мог бы - без каких-либо опасений - оказать поддержку этим инициативам. Впрочем, здесь возникает другой вопрос: а нужен ли вообще Москве или Киеву такой режим и как они на него отреагируют.

Проблема «общего соседства» и повестка дня политики безопасности

Что касается проблем, связанных с политикой безопасности России и ее осознанием себя как «сверхдержавы», то главная из них на протяжении последних пятнадцати лет оставались неизменной как для самой России, так и для окружающего ее

мира: это необходимость модернизировать былое самоощущение мировой сверхдержавы и трансформировать его в понимание своей роли как сверхдержавы регионального уровня. Этот процесс не может развиваться быстро, легко и беспрепятственно. Тем не менее, теперь, задним числом, нам стало вполне очевидно, что общий итог изменений, происходивших в российской внешней политике, отнюдь не отрицательный: сценарии, предусматривавшие процесс дезинтеграции по образцу Югославии, не материализовались, и «воинствующий империализм» советской эпохи в Кремль не вернулся. Россия как сверхдержава, расположенная на периферии Европы, осталась источником серьезных проблем, однако «на уровне вероятности» она вполне доброжелательна и готова к сотрудничеству, поэтому не следует всегда ожидать от нее лишь самого худшего.

Отсюда следует, что у стран как Западной, так и Восточной и Центральной Европы остается широкое поле для дипломатических маневров. Однако было бы неразумно отрицать наличие определенного влияния Москвы - как на региональном уровне, так и «сверхдержавного»¹⁶. Ни сами россияне, ни их соседи не воспринимают Россию как обычного соседа окружающих ее стран, и Запад ожидает от нее действий более масштабного уровня. Вопрос, интересующий страны ЕС, состоит в следующем: до какой степени удастся скоординировать «сверхдержавную» значимость России с политико-экономическими интересами в европейской сфере и какие «правила игры» сложатся в будущем в сфере отношений между Востоком и Западом.

Подобная «координация» - задача отнюдь не простая. В данной системе отношений Россия видит себя «слабой стороной», производя впечатление беззубого льва. Реакция Москвы на выборы на Украине и ситуацию в Молдавии хорошо демонстрирует, на сколь отчаянные шаги она порой готова

¹⁶ Помимо прочего и потому, что «сверхдержавное» влияние основывается на целом спектре интересов, связанных с «политикой соседства», законно представляемых каждой из стран, существующих на Земле.

пойти ради создания реальной или предполагаемой зоны своего влияния¹⁷. Впечатление, производимое Россией на общественность в странах данного региона, нередко хуже того, что производится Европейским союзом, а набор применяемых ею экономических и финансовых инструментов выглядит более ограниченным по сравнению с тем, что предлагает ЕС¹⁸. Даже если Москва и не подозревает наличия каких-либо амбиций в отношении данного региона со стороны всего ЕС - возможно, за исключением лишь стран Вышеградской группы - она инстинктивно ощущает наличие скрытой «гравитационной силы» ЕС. К настоящему времени уже стало ясно, что сама проблема «общего соседства» Украины, Молдавии, Белоруссии и, вероятно, стран кавказского региона - как и будущее этого соседства - являет собой один из главных и перспективных вопросов повестки дня европейско-российских отношений. По нашему мнению, страны Вышеградской группы могли бы в той или иной форме участвовать в решении данного вопроса. Что касается всех остальных вопросов, то там их объединенные усилия либо просто не нужны, либо привели бы к противоречивым результатам.

Прежде всего, важно не поддаваться тревожным настроениям. Несмотря на уход Москвы и ее последующие активные действия, призванные не допустить эскалации конфликта в

¹⁷ Возможно, одним из величайших парадоксов, связанных с украинскими выборами 2004 г., стало то, что Путин поддерживал режим сверхолигархов в Киеве, который в его собственной стране вызывал крайний антагонизм и стал деструктивным фактором. Более основательный анализ Москвой сложившейся ситуации позволил бы ей увидеть отдаленные негативные последствия такого поведения. Поэтому мне кажется, что ошибкой явилось не само по себе вмешательство России, а то, что оно было запоздалым и односторонним.

¹⁸ Тем не менее, подобное распределение ролей не столь однозначно, как это могло бы показаться на первый взгляд. Кремль сознательно игнорирует злоупотребления, совершаемые местными элитами в сфере бизнеса, как терпит и дефицит демократии. Правящие режимы СНГ вряд ли способны функционировать, не совершая ошибок; поэтому в большинстве случаев Москва может оказаться привлекательнее критически настроенного Брюсселя. В целом объем российских инвестиций превосходит инвестиции западных стран, тогда как субвенции, выплачиваемые политическим режимам из более тощего российского кошелька, по меньшей мере эквивалентны тем, что приходят с Запада.

Киеве, истерические выпады со стороны стран Вышеградской группы в связи с «оранжевой революцией» на Украине все же имели место. Западные члены СНГ - страны с ограниченным суверенитетом - всегда входили в российскую сферу влияния, одновременно гранича со странами Вышеградской группы; тем не менее, в прошлом не бывало случаев, чтобы из-за этого возникали неразрешимые проблемы. В нынешней ситуации имеются три новые составляющие, заслуживающие внимания. Во-первых, ЕС расширился, он стремится уделять больше внимания своим соседям, и данная тенденция будет усиливаться по мере вступления в него новых членов. Во-вторых, в большинстве стран СНГ сменилось руководство, и правящим элитам - во многих случаях - теперь присущ совершенно иной стиль политического поведения¹⁹. Наконец, из-за присутствия всех этих факторов Москва нередко оказывается в двусмысленном положении, а ее влияние в регионе ставится под угрозу. В подобной непростой ситуации ей необходимо действовать продуманно и четко, руководствуясь отнюдь не теориями, выработанными в одностороннем порядке.

Еще одна важная точка зрения имеет в основе своей тот факт, что сфера российских интересов не отделена от окружающего мира непроницаемыми границами. В настоящее время у России нет ни законных оснований, ни сколь бы то ни было упорного стремления удерживать за собой регионы, являющиеся частями постсоветского пространства, путем угрозы исключения их или применения односторонних санкций.

¹⁹ События, происходящие в настоящее время в постсоветском регионе, - это нечто большее, чем смена правящей элиты, но и нечто менее масштабное, чем смена режима. Время унесло с политической арены «позднесоветское» руководство, пришедшее к власти в первой половине 1990-х гг. Процессы, происходившие в обществе, а также изменения, которым подверглись постсоветские режимы, достигли такой степени, что сохранять прежние формы руководства уже невозможно. Новые элиты, с этой точки зрения, являются воплощением самых различных качеств, которые отнюдь не всегда лучше, успешнее или совершеннее, чем те, которыми обладали элиты прежние. Их руководители умеют лучше общаться с прессой, они с большим пониманием относятся к логическим доводам со стороны своих политических оппонентов, а политики и бизнесмены постприватизационной эпохи - в ряде случаев - менее склонны действовать чисто административными методами.

Общая линия поведения российского руководства радикально не изменится; от него не следует ожидать ни конфронтации, ни резкого поворота в сторону антагонизма против Запада; при этом московские политики не видят никакой внешней угрозы по отношению к своей внутренней ситуации. Хотя блеф относительно того, что подобные границы существуют, порой обеспечивал победу в спорах по поводу целесообразности расширения ЕС в середине 1990-х гг., последующие события показали его явную несостоятельность. Намерение вести диалог с Западом всегда в той или иной мере присутствует, независимо от конкретных лиц или политического руководства, даже несмотря на случающуюся порой смену ценностных ориентиров. В этом смысле решающее значение имеет динамизм российской внутренней политики, и наличие данного компонента ее неизменно, несмотря на некоторое одновременное конкурирующее влияние со стороны Европы. Поэтому вопрос о политике добрососедства, проводимой ЕС, должен рассматриваться отдельно от оценок внутренней политики России - сколь бы заметными ни были ее изменения.

Одновременно и российская экономика и политика влияют на стратегическую ситуацию в данном регионе. Хотя крайне маловероятно, чтобы ЕС мог отрицательно повлиять на внутреннее положение в России, нельзя не принять как данность и тот факт, что консолидация региона невозможна без участия последней или вопреки ее позициям, тем более что правительства этих стран - несмотря на явно выражаемые протесты - стараются тем или иным образом нормализовать свои отношения с Москвой. Видя себя пешками в «игре с нулевым результатом», ведущейся между Востоком и Западом, они стремятся к тому, чтобы достойно выразить свои интересы в би- или триполярной системе - в зависимости от того, как они ее себе представляют. Поэтому отнюдь не в интересах стран Вышеградской группы ориентироваться лишь на какую-то одну-единственную линию политического поведения. Им придется четко определить, какие действия России вредны и разрушительны, а какие - конструктивны и приемлемы. Они

должны будут выработать некий позитивный и реалистичный образ действий в отношении планов России и применяемых ею инструментов, а также оценки ее интересов.

Поэтому в настоящее время встает вопрос: из каких элементов должна строиться политика России с тем, чтобы она могла в той или иной мере обеспечить себе статус сверхдержавы регионального уровня. Возможно, одной из сфер, где подобный статус был бы для нее естественен, может стать военная область и политика безопасности. Что касается российской политики безопасности, то она является наследием советской эпохи. Благодаря своему ядерному потенциалу, а также находясь на втором месте в мире по экспорту оружия и обладая громадными запасами обычных вооружений, Россия до сих пор сохраняет статус военной державы мирового значения. Более того, в свете нынешней внутренней и внешней геополитической ситуации можно ожидать, что Москва и в будущем сохранит определенный уровень военного влияния. С точки зрения ситуаций, существующих в Средней Азии и на Кавказе, это может сыграть роль важного консолидирующего фактора, что вполне совпадает и с интересами Запада. Поэтому перед окружающим миром встает задача - с одной стороны, способствовать поддержанию этой военной мощи, чтобы она оставалась эффективной ударной силой, и сдерживать питаемые ею давние имперские амбиции, с другой.

ЕС и страны Вышеградской группы четко определяют российскую военную силу как потенциальный источник конфликтов в европейском регионе СНГ - несмотря на сокращение вооружений. Военный контингент в Молдавии, ситуация с Калининградским анклавом, а также сотрудничество с Белоруссией порождают оправданную озабоченность Вышеградской группы. В то время как подобные акции России в Киргизии и Узбекистане могли бы понравиться как местным правительствам, так и соседним странам, в европейском регионе они воспринимаются как проявление отчаянного стремления усилить там российское влияние - попытка беззубой сверхдержавы «реконструировать» регион.

Ясно, что влияние стран Вышеградской группы и Европейского союза как института в отношении данных вопросов всего лишь маргинально. В целом мы можем лишь подтвердить свои интересы в рамках принятия решений по политике безопасности, со стороны наблюдая за политическим курсом с оттенком сверхдержавности. Тем не менее, ряд тенденций этого политического курса, несомненно, нам выгоден: обеспокоенность Москвы собственной безопасностью и то, что она воспринимает как источники угрозы (отражая это и в своих планах обороны), все более смещаются на юг - в мусульманские регионы Кавказа и Среднюю Азию²⁰. Москва ощущает свою слабость и незащищенность с этой стороны и ищет себе партнеров. Возможно, Россия в большей степени, чем любая другая страна, испытала облегчение, когда американское вторжение в Афганистан завершилось разгромом Талибана. Создание системы подобных партнерских отношений между сверхдержавами или временных коалиций, призванных подавить проявления экстремизма и укрепить доверие в европейских регионах, будет вполне в интересах и стран Вышеградской группы.

В дополнение к яростным протестам против российского военного присутствия, а также случаям разрешения латентных конфликтов, активность стран Вышеградской группы может быть стимулирована, главным образом, «мягкими угрозами безопасности», исходящими из этого региона. Россия - несмотря на ее содействие в решении проблем, стоящих перед бывшими советскими республиками, и экономическую помощь в регионе, вряд ли способна и имеет достаточные средства для того, чтобы консолидировать эти страны - что успокоило бы Европу. Проблемы порождаются миграцией населения, контрабандой и общим дефицитом социальных институтов и инфраструктуры. В этом отношении российское присутствие асимметрично: чрезмерно эксплуатируя инстру-

²⁰ Заметим в этой связи, что значительная часть российских вооруженных сил перемещается на Южный Урал, откуда недалеко и до Кавказа, и до Средней Азии.

менты оборонной политики ради усиления своего влияния, Москва одновременно борется с серьезным дефицитом в сфере «мягких угроз безопасности». В настоящее время ЕС и страны Вышеградской группы стремятся компенсировать данный дефицит, что является важным компонентом «политики добрососедства» ЕС. Вопрос об «угрозах нового типа» нуждается в том, чтобы его адекватно идентифицировать и представить на международном уровне - даже если при этом будут задеты чувства Москвы. Страны Вышеградской группы - ввиду их участия в данном вопросе - могли бы взять на себя активную роль в формировании политического курса. Различные программы, разработанные специально для разрешения существующих проблем, должны быть предложены и России, поскольку тамошние проблемы похожи на те, что существуют на Украине и в других странах. Тем не менее, необходимо четко показать, что ЕС в данном случае идет своим собственным путем и недоволен поведением Москвы. Если Москву удалось бы убедить более внимательно относиться к подобным источникам риска, это пошло бы на пользу всем.

Еще одна возможность для сохранения Россией ее бывшего влияния - это завоевание экономических позиций. На первый взгляд такая перспектива неизбежна и безальтернативна: на постсоветском пространстве Россия выглядит богатой страной с экономикой на подъеме; российские компании капитализированы в высокой степени, и при условии восстановления технологических цепочек времен СССР могут появиться новые, доселе неиспользованные «факторы синергии», в результате чего исчезнет необходимость конкурировать с иностранными инвесторами. В реальности для воплощения этих планов в жизнь существуют многочисленные препятствия - как в теории, так и на практике. Так, налицо заметное недоверие между миром российского бизнеса и московскими политиками. Интересы обеих сторон совпадают лишь в отдельных случаях, тогда как в других случаях наблюдается резкое расхождение. Источники конфликтов между политиками и бизнесменами отнюдь не всегда лишь те, что просматриваются

в «деле „Юкоса“»; это - скорее конфликт между двумя различными мировоззрениями. Олигархи - после обретения ими прав собственности - не заинтересованы ни в способствовании дальнейшей реинтеграции, ни в оказании давления в сфере политики. С их точки зрения, подобные действия повлекли бы за собой ухудшение взаимоотношений между Западом и Россией, и, к тому же, они не верят в их успех. Наоборот, они склонны рассчитывать на внутреннюю зависимость и обретение гарантий против эскалации напряжения, что различными политическими группировками в Москве и столицах бывших республик рассматривается как препятствующий фактор.

В отдаленной перспективе нецелесообразно было бы опираться лишь на укрепление экономических позиций, поскольку бизнес данного региона не может существовать автономно. Экономические позиции распределяются, а также - в случае необходимости - и перераспределяются политиками. Из этого следует, что интеграция собственности изначально невозможна - как, например, в настоящее время в Белоруссии или на Украине. Совокупность этих факторов делает бизнесменов заложниками как местных политиков, так и политики, проводимой Москвой: они лишаются преимуществ и нуждаются в защите. Таким образом, нынешняя ситуация не позволяет Москве поставить данное измерение во главу своей политики, ориентированной на ближнее зарубежье. Однако, пока преобладает подобная практика, страны эти не имеют возможности продвигаться вперед по пути воплощения в жизнь своих надежд, связанных с Европой.

Наконец, российский капитал недостаточно силен для того, чтобы служить основой для проведения в жизнь амбиций этой страны как глобальной - или, по меньшей мере, региональной - сверхдержавы. За исключением нефтегазового сектора, Россия не в состоянии серьезно конкурировать на мировом рынке; весь ее ВВП составляет лишь 1% от мирового объема. Хотя подобный индекс значим в контексте постсоветского развития, его нельзя сравнивать с экономическим потенциалом

ЕС или США. Поэтому, даже при условии консолидации и открытия рынков данного постсоветского региона, мы не можем быть заранее уверены в благоприятном исходе конкуренции инвестиций. Это становится особенно понятным, если принять во внимание опыт стран Восточной и Центральной Европы, где открытие рынков было в большей степени односторонним. За исключением Румынии, Болгарии и отчасти Словакии, местные деловые круги и политики приняли западных инвесторов с большей готовностью, чем россиян. У нас нет причин сомневаться в том, что подобное может случиться и в постсоветском регионе. Поэтому Москва тоже хочет одностороннего открытия рынков - на этот раз с выгодой для России или хотя бы при условии равных возможностей.

Что касается политики ЕС, то следует отметить, что постсоветское влияние Москвы, ориентированное на экономику, предпочтительнее для него всех других вариантов. Оно свело бы до минимума уже существующие серьезные тревоги в связи с возможной изоляцией, а также - с точки зрения Европы - смягчило бы отношения в сфере внешней политики. Более того, оно способствовало бы определенной взаимозависимости в будущем и благоприятно изменило бы и внутреннюю ситуацию в России. Мы полагаем, что дело «Юкоса» серьезнейшим образом повлияло на международную политику именно тем, что подорвало веру в реальность подобной перспективы. Более того, Киеву и Кишиневу надо объяснить, что дискриминационные меры против российского капитала не помогут их интеграции в Европу. Что касается оценок приватизации на Украине - независимо от конкретных участвующих в ней персоналий - то уступки здесь должны быть не больше и не меньше, чем в деле «Юкоса». Возможная деприватизация, особенно если затронула бы и российскую собственность, не только создала бы прецедент, но и негативно повлияла бы на отношения с Москвой и вызвала бы нежелательные конфликты. Это повредило бы всем, не говоря уже о потенциальных инвесторах.

Логика делового мира, в сочетании с желательным про-европейским курсом или политикой местного уровня, требует выработки определенного паритета в подходах к допуску западного, российского или местного капитала в данный регион. Наличие конкурирующих друг с другом консорциумов, смешанных компаний, бизнес-сообществ или же целых отраслей со смешанными формами собственности позволит придать уверенность всем заинтересованным лицам. Местные политики не будут чувствовать себя беззащитными перед лицом российской конкуренции, риски для западных компаний уменьшатся, и российские компании также почувствуют, что их не исключают из сотрудничества. Какой именно промышленный сектор будет избран, каково будет соотношение долей рынка, а также какие правила и уложения понадобятся для эволюционного развития подобной ситуации - все это частные вопросы. Идея создания украинского газопроводного консорциума - несмотря на ее фиаско - явилась верным шагом в верном направлении. Подобный ход помог бы преодолеть зарождающуюся практику «национальной олигархии» в бывших республиках, а также разрушил бы доселе непроходимые баррикады, выстроенные лоббистами в России и на постсоветском пространстве. На основании того факта, что подобная перспектива в России становится менее реальной, европейским политикам не следует думать, что такая цель недостижима на Украине или в Молдавии²¹.

Впрочем, маловероятно, чтобы корни подобной практики обнаружили в странах Вышеградской группы. Учитывая уроки последних пятнадцати лет, а также фобии, существующие в отношении российского капитала, они вряд ли захотели бы внедрять у себя подобные модели. Большинство этих стран

²¹ Иностранцам компаниям становится все труднее (если не невозможно) проникать в сырьевые сектора российской промышленности. Однако надо заметить, что за последние несколько лет менее прибыльные и потому менее политизированные сектора допустили участие иностранного капитала. В частности, подобных результатов удалось достигнуть в легкой и пищевой промышленности, в секторе нефинансовых услуг, а с недавнего времени - в автомобильной промышленности.

видят воплощение угрозы «российского экономико-энергетического империализма» именно на постсоветском пространстве. Хотя такое отношение облегчает сотрудничество с определенными сегментами новых национальных элит, оно вряд ли может способствовать расширению сферы деятельности их собственных компаний. Следовательно, по нашему мнению, сколь-либо активная роль Вышеградской группы в этом плане маловероятна. Это тем более неудобно, поскольку они мешают процессу модернизации российских традиций, проистекающих из статуса сверхдержавы, питают существующие тревоги в связи с возможной изоляцией и усиливают стремление России утверждать свои интересы, столь ненавистные этим странам.

Третья модель адаптации России к ее новому территориальному статусу предусматривает создание институтов постсоветской интеграции. Одно из объединений, существующих помимо СНГ, называется «Организацией Договора коллективной безопасности» и объединяет шесть бывших республик СССР; кроме того, существует инициатива создания единого экономического пространства, включающая и Украину. Поскольку данные эксперименты неотделимы от двух проанализированных выше политических измерений, они являют собой попытки - формально и необратимо - обозначить границы российской сферы интересов. Продвигая эти идеи в жизнь, Москва, помимо ностальгии по утраченной синергии советского пространства, руководствуется и примерами Европейского союза и НАТО. Это - политические инициативы, явно порожденные интересами экономики и безопасности. Несмотря на неустанные усилия со стороны российского руководства, эксперименты эти пока не дают результатов.

Ни ЕС, ни страны Вышеградской группы не должны уделять слишком большого внимания этим экспериментам, проводимым Россией. С формальной точки зрения, это не их дело, да и полученный опыт говорит о том, что такие организации не способны эффективно функционировать. Интересы большинства их членов не совпадают, что особенно четко

проявляется в отношении к формам и содержанию предлагаемой Россией экономической интеграции. Если Украина открыто выражает свое несогласие, то Белоруссия и Казахстан попросту саботируют проведение в жизнь взятых ими на себя обязательств. В обозримом будущем каких-либо прорывов на данном фронте ждать не приходится. Мы, признаться, не понимаем, каким образом подобные организации-фантомы могут вообще повлиять на процесс вступления кого бы то ни было в ЕС. Осторожность необходима и при оценке альтернативных форм организации сотрудничества на постсоветском этапе, например ГУУАМ (Грузия, Украина, Узбекистан, Азербайджан, Молдавия). Последний был создан государствами, в наибольшей степени недовольными российским влиянием, и деятельность его в последние месяцы выразилась в проведении ряда революционных мероприятий. Однако эта организация консультативного сотрудничества - не говоря уже о том, что покоится на слабой основе - не смогла избавиться от своей антироссийской направленности. ЕС и Вышеградской группе следует поддерживать конкретные идеи и планы, а не конкретные организации. С данной точки зрения, деятельность подобных институтов надо анализировать не вообще, а выборочно. Поэтому некоторые аспекты сотрудничества в сферах свободной торговли и коллективной безопасности должны опираться на поддержку Запада как в теории, так и на практике, по образцу той роли, которую сыграли Украина и Грузия в деле урегулирования ситуации в Молдавии.

Обилие идей относительно форм постсоветской интеграции породило проблематичную ситуацию, которая дискредитирует принципы интеграции и присоединения к международным организациям или режимам. В то время как новые национальные суверенитеты и логика создания новых стран или государств с самого начала затруднили определение национальных обязательств, постсоветская практика последних пятнадцати лет дискредитировали сам принцип интеграции. Опыт переговоров между Украиной и ВТО за последние

несколько лет весьма показателен в отношении тех «результатов», которые могут быть достигнуты в данной сфере. Хотя необдуманные обещания обеспечивают переговорам изначально быстрые темпы, возможность воплощения их в жизнь, их надежность, а главное - готовность Киева реально выполнять их - весьма сомнительны. Данный негативный опыт необходимо учитывать при оценке намерений этих стран участвовать в интеграции.

Наконец, есть четвертая точка зрения, которая, по-видимому, более всех остальных ориентирована на самые непредсказуемые последствия реорганизации данного региона. Речь идет о переделе границ на постсоветском пространстве на основе национального или национально-социалистического принципа, который предусматривает отказ от «империи», но сохраняет нации-государства. Из этого проистекает необходимость подчинения российской внутренней структуры и внешней политики российским этническим интересам - воображаемым или реальным. Это - классическая национальная программа, которая предусматривает полный отказ от вековой имперской традиции. Хотя в некоторых случаях амбиции эти приписывались верхним эшелонам российской политики, реально их разделяют лишь представители оппозиции. Хотя нам кажется вероятным, что некоторые представители власти лично симпатизируют некоторым составляющим элементам таких амбиций, официальные политические круги неоднократно и в категоричной форме отрицали национальный экстремизм и соответственно этому поступали. Поэтому мы считаем необоснованными выпады против российского империализма и осуждение его общественным мнением в странах Вышеградской группы. В настоящее время альтернатива российскому империализму - не демократическая и либеральная Россия, а российская нация-государство сомнительной ориентации и с нечетко определяемой системой ценностей. Это может стать повторением югославского сценария. Такая опасность была особенно реальна во времена перестройки или после завершения процесса дезинтеграции. Поэтому -

несмотря на все их недостатки и наше личное их неприятие - нам кажется, что долгая жизнь российских имперских устремлений желательна, а их постепенная демократизация возможна. Общества и Западной, и Восточной и Центральной Европы на протяжении XX века уже прошли этот путь от империи, через извращенный национализм, к демократии. Таким образом, помочь России избежать опасностей, подстерегающих ее на этом пути, - это и в интересах окружающих ее стран, и является их обязанностью.

С английского перевел А. Юрасовский
(перевод неавторизованный)